

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ДРАМАТУРГ

(К 65-летию со дня смерти А. Н. Островского)

12 апреля 1823 года в глуши Замоскворечья в семье московского чиновника родился будущий великий русский драматический писатель, составивший неувядающую славу нашего отечественного театрального искусства.

Островскому было 24 года, когда он начал свой творческий путь, явившись впервые в кружок профессора Московского университета Погодина со своей сатирической комедией «Свои люди — сочтемся» или «Вантрот», как она называлась вначале. «Он начал необыкновенно», — говорил впоследствии Тургенев. Слава о новом, замечательном, огромном таланте из узких литературных кругов постепенно проникла в более широкие слои общества.

Много лет прожил великий писатель в Замоскворечье. Он в совершенстве знал быт мещан, чиновников, ремесленников. Огромные жизненные впечатления, наблюдения принесла Островскому его служба в московском совестном суде и в канцелярии московского коммерческого суда. Совершенное знание жизни лежит в основе всех произведений великого драматурга. Это знание дало силу и уверенность его сатирическому обличению, яркость и самобытность его мастерству.

Передовые по литературному образованию люди того времени сразу поставили Островского рядом с Фонвизиним, Грибоедовым, Гоголем. Они увидели в нем талант подлинно русский, великолепный, обнадеживающий.

Островский не отделял драматургию от театра и всю свою жизнь посвятил непрестанной, последовательной, удивительно целеустремленной борьбе за наш русский театр, за его широкую народность,

за его реалистическое направление. Он один имел в то время право сказать в своей автобиографической записке, что у русского драматического театра один только он был и академиком, и меценатом, и защитой.

Да, Островский был академиком русского театра и, прежде всего, Малого театра. За 39 лет своей драматической деятельности он был душой и школой, высшим эстетическим вкусом и целым направлением для лучших артистов Малого театра. И эта сторона деятельности Островского достойна быть названной патриотическим подвигом.

Не наивным и полупросвещенным человеком пришел в театр Островский. Он принес на сцену русскую жизнь — в этом было его «новое слово», и он прекрасно понимал, что за это новое слово еще придется побороться. В 1869 году в одном из писем к большому Некрасову Островский писал: «Как Вам умирать? Чем же тогда мне идти в литературу? Ведь мы с Вами только двое настоящие народные поэты, мы только двое знаем его, умеем любить его и сердцем чувствовать его нужды без шаблонного западничества и детского славянофильства».

Эти слова Островский произнес по праву, он действительно всю свою жизнь отдал служению русскому народу. «...Близость к народу, — писал он, — несколько не унижает драматической поэзии, а, напротив, удваивает ее силы и не дает ей оплошиться и измелкеть; и только те произведения пережили века, которые были истинно-народными у себя дома, такие произведения со временем делаются понятными и ценными для других народов, а, наконец, для всего света».

В этих точных словах — целая программа развития искусства. Эти благородные, чистые принципы остались прогрессивными и действенными до наших дней.

Обличение «темного царства», уродливого мира собственничества, начатое уже в первой пьесе драматурга «Свои люди — сочтемся», стало одной из ведущих тем его творчества. Он привел на сцену, поставил перед судом народа русских купцов-самодуров, рассказал, как имущественные отношения приводят к разложению личности, потере человеческого облика.

Не удивительно, что московские купцы встретили в штыки первую пьесу Островского. Они особенно возмущались тем, что жуликами в пьесе были показаны люди с их точки зрения «достопочтенные» и «куважаемые». «Все они кругом мошенники, а на нас слава», — говорит Бомышов.

Комедия была запрещена. Островского взяли под особое наблюдение полиции, которое продолжалось в течение пяти лет.

Путь драматурга не был гладким и простым. Мы знаем о серьезных колебаниях в его творчестве, которые, правда, были не длительными. Эти колебания относятся к 1852—1855 годам, когда Островский отказался от смелого и острого обличения мира собственничества, обличения со славянофилами, которые видели в купечестве «старую изветную Русь», «залог будущего России». Некоторое отражение эти взгляды нашли в пьесах «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок», «Не так живи, как хочешь». Здесь драматург пытается нарисовать положительные образы купцов, например, купца Русакова в комедии «Не в свои сани не садись».

Однако нельзя говорить о полном тождестве взглядов Островского с идеями славянофильства. Его произведения, написанные в эти годы, были значительно шире. Не случайно реалистическая струя

в этих комедиях, их связь с традициями Гоголя и «натуральной школы» вызвали возмущения таких представителей славянофильства, как Ап. Григорьев, Т. Филиппов.

Очень скоро Островский покинул кружок славянофилов. Начинается сближение великого драматурга с русскими революционерами-демократами. Он знакомится с Некрасовым и свои последующие пьесы печатает в боевом журнале русских демократов — «Современнике».

Все свои силы писатель отдает созданию русской реалистической комедии. Он бичует деспотизм, дикость, невежество купечества, показывает страшную участь в этом мире «маленьких людей».

Имя купца-самодура Тит Титыча Врускова, героя комедии «В чужом пиру похмелье», стало нарицательным. Объясняя характер этого типичного самодура, Агфена Платоновна говорит: «Самодур — это называется, коли вот человек никого не слушает, ты ему хоть кол на голове теши, а он все свое. Топнет ногой, скажет: Бю! Тут уж все домашнее ему в поги должны, так и лежать, а то беда...»

Постепенно расширяется круг тем великого драматурга. В его творчестве отражаются новые стороны жизни, новые слои русского общества.

Резкой критикой русского чиновничества, бюрократии посвящена комедия «Доходное место». «Замечательна эта новая пьеса в том отношении, — писал Чернышевский, — что тут г. Островский изображает круг, не имеющий ничего общего с купеческим бытом, нравами которого до сих пор он почти исключительно занимался».

Драматург показал, что взяточничество, как паутина, охватывает мир российского чиновничества, это — не просто недостаток, это система жизни, ее уклад, без которого невозможно существование всех этих Юсовых и Вышневицких. Стремления мечтателя Жадова победить этот страшный мир кончаются крахом. Он понимает свое бессилие и

отправляется к должнику просить доходного места.

В дальнейшем в своих пьесах 70—80 гг. Островский выводит на сцену не только самодуров-купцов, но и представителей «европеизированной» буржуазии («Бешенные деньги», «Волки и овцы» и другие). Драматург писал: «Слова песни «Под Самарой разбойнички палат» — не совсем справедливы; разбойников теперь нет, нелзя, век прогресса, теперь поборы с судов производятся инженерами, войной коммуналки, а не разбойниками, все-таки шаг вперед, но знаю, выгодно ли стало судокозяевам, да мало ли чего! Что на них смотреть! Разбойники мужик необразованный, у него и потребности незначительные, оттого он и брал меньше...»

Островский создал пьесы, в которых показал паразитическое существование русских дворян, их вырождение, затхлую, тупую жизнь в помещичьей усадьбе («Воспитанница», «На всякого мудреца довольно простоты», «Лес»).

Но драматург никогда не ограничивался бичеванием уродливых сторон действительности. В большинстве своих пьес он создавал также образы скромных, честных русских людей, стремящихся к правде и справедливости, людей с «горячим сердцем» и цельным характером.

В повсках сильного героического характера Островский обращается к прошлому нашей родины и создает ряд исторических драм: «Козьма Захарыч Минин, Суворов», «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», «Тушино», «Василиса Мелентьева».

Островский был величайшим тружеником, он считал, что писатель обязан работать столько, сколько хватит сил. За 40 лет своей трудовой литературной деятельности он написал около 50 оригинальных пьес, пять — в содружестве с другими авторами и еще создал ряд переводов из Шекспира, Сервантеса и других. Он по справедливости

считается основоположником русской классической драматургии.

Никогда не отрывался он от родной почвы, не поддавался чужим влияниям, всегда писал одну только правду, не мудрил, не сочинительствовал, любил жизнь, учился у жизни.

Островский был и остается непрезвзойденным мастером драматургии, смелым новатором. Его умение построить сюжет драматургического произведения, всесторонне раскрыть образы, его ясный, подлинно народный язык являются образцом для всех драматургов.

Писателя приводило в негодование преклонение перед иностранщиной. Поражительно, что в те времена, когда буржуазный класс только складывался в России, он сразу и наотлго вперед отделил его вкусы, его потребности, его пагубное влияние на искусство вообще. Он прямо противопоставил буржуазный театр — театру русскому, общенародному. Дарованием художника, глубочайшим знанием своего народа он, по существу, предсказал, что наша русская драма и наш театр не пойдут путем буржуазного искусства.

Островский стремился к созданию народного национального искусства. Он утверждал: «Национальный театр — есть признак совершеннолетия нации, как академии, университеты, музеи».

Замечательное патриотическое творчество гениального драматурга навсегда вошло в сокровищницу русского искусства.

Можно без всяких преувеличений сказать, что только в советское время драматургия Островского получила всеобщую славу, о которой и не мог мечтать великий драматург. И не только широкие народные массы русских людей увидели пьесы Островского. Наша многонациональная культура приобщилась к своим сокровищницам творчество Островского, и он сделался одним из любимых драматургов в Грузии и на Украине, в Татарии и Узбекистане — всюду, в республиках братских народов СССР.

Николай ПОГОДИН.

27 ИЮН 1951

МАРИЙСКАЯ ПРАВДА

г. Йошкар-Ола